

На семейном банкете звенели винные чаши и смешивался смех. Разрозненные принцы, принцессы и знакомые придворные общались друг с другом. Навеселе они говорили полуправду и размытые слова, углубляя всеобщее опьянение.

Шэнь Юйхэн, обладая низкой толерантностью к алкоголю, слушал эти одурманенные звуки, чувствуя, как его веки начинают тяжелеть. Первоначального владельца оберегали с детства, и он редко прикасался к спиртному. Шэнь Юйхэн был таким же; даже став воспитателем в детском саду, он всегда мог отказаться от выпивки в компании, сказав, что «не хочет, чтобы дети почувствовали запах на следующий день». Следовательно, он стал пьющим по принципу «один глоток и готово».

Он даже не мог вспомнить, когда его подвели к Сяо Хуаю. Холодное ощущение драконьего трона у бедра наконец вернуло ему толику сознания.

Его волосы, растрепанные после недавней дремы, частично рассыпались по спине, а частично прилипли к бледной коже. Шэнь Юйхэн смотрел, как Сяо Хуай тянется к нему. Он вздрогнул, но у него не было сил отстраниться.

Длинные, иссохшие пальцы Сяо Хуая скользнули сквозь эти мягкие, растрепанные пряди, убирая их в сторону. Движение было небрежным, почти ленивым, но достаточно точным, чтобы не коснуться кожи Шэнь Юйхэна напрямую.

Шэнь Юйхэн медленно моргнул. Он редко видел Сяо Хуая сидящим на драконьем троне. Их предыдущие встречи почти всегда были связаны с обязанностью «служить в постели», поэтому он был больше всего знаком с массивной кроватью в Зале Развития Разума, курильницей для благовоний, вечно источающей теплый туман, и... самим Сяо Хуаем.

Сяо Хуай, который его призывал, обычно был одет в свободные даосские одежды, выглядел как призрачный фантом в тумане и внушал необъяснимый страх. Но теперь, сидя в своих драконьих одеждах с короной и глубокой улыбкой, он казался еще более непостижимым.

— ...Ваше Величество. — Опьянение Шэнь Юйхэна наполовину улетучилось. Он не понимал, зачем Сяо Хуай призвал его. Разве угрозы перед Залом Развития Разума в тот день было недостаточно? Он сидел как на иголках, инстинктивно пятясь, не смея приблизиться.

Вид дрожащего Шэнь Юйхэна заставил Сяо Хуая тихо рассмеяться. Стоящий неподалеку евнух Фан подал знак принести Шэнь Юйхэну палочки для еды и пиалу.

— Супруг Шэнь, пожалуйста, опробуйте блюда для Его Величества.

Обычно дворцовые слуги проверяли каждое блюдо на наличие яда перед тем, как Император приступал к еде. Почему эта работа досталась ему? Евнух Фан не дал никаких объяснений и молча удалился.

Как только Шэнь Юйхэн потянулся за палочками для еды, рука Сяо Хуая — почти в два раза больше его собственной — схватила их первой. Он подцепил немного овощей и ущипнул Шэнь Юйхэна за щеку другой рукой:

— Хороший ребенок, открой рот.

Шэнь Юйхэн замер. Неужели... Сяо Хуай кормит меня?!

Это неправильно!! Ради всего святого, он был взрослым человеком; в последний раз его

кормили как ребенка больше десяти лет назад. Более того... он краем глаза огляделся по сторонам.

Хватка Сяо Хуая на его щеке внезапно стала сильнее.

Ауч!

В тот момент, когда он открыл рот, палочки для еды из красного сандала вошли прямо в него. Нефритовая инкрустация на конце была ледяной, вдавливаясь в чувствительные ткани глубоко в горле и грубо царапая.

Подкатила волна тошноты. На глазах Шэнь Юйхэна выступили физиологические слезы; он инстинктивно захотел выплюнуть инородный предмет, но у него не было выбора. После десяти секунд мучительного терпения его кадык дернулся, и он наконец проглотил кусок еды.

— Хорошо.

Сяо Хуай убрал палочки для еды. Нефритовый наконечник слегка поблескивал, а его улыбка оставалась расслабленной.

— Следующее блюдо. Продолжай.

В тот же самый момент...

С резким звоном нефритовая винная чаша ударилась о пол и разлетелась вдребезги.

Чиновники, окружавшие Сяо Цзиня, подпрыгнули от испуга. Дворцовые служанки и евнухи бросились на колени, чтобы убрать беспорядок. Проследив за взглядом юноши, чиновники посмотрели через зал.

Там, в дальнем конце банкетного зала, сидел их Император, Сяо Хуай. А рядом с ним на троне сидела мать-наложница Сяо Цзиня, Шэнь Юйхэн.

Когда они... снова...

Между ними грациозные танцовщицы взмахивали своими длинными рукавами. В туманном дыму благовоний силуэты Шэнь Юйхэна и Сяо Хуая, склонившихся друг к другу, казались бесконечным, повторяющимся кошмаром.

Чиновники понятия не имели, какие эмоции подавляет Сяо Цзинь. Они смеялись между собой, выглядя весьма веселыми.

— Видя, что Его Величество и супруг Шэнь примирились, этот старый чиновник может быть спокоен.

— Супруг в фаворе, а Девятый принц разрушил проклятие звезд. Я действительно рад.

Чиновники были счастливы видеть это. В их глазах, хотя Шэнь Юйхэн и был мужчиной, раз Император сказал, что он мать-наложница, значит, он мать-наложница. Благосклонность к супругу и статус Девятого принца теперь были неразрывно связаны — две стороны одной медали.

То, что Второй принц был наказан, а благосклонность супруга Шэня восстановлена, доказывало, что Император намерен поддержать Девятого принца. Многие из бывших

сторонников Сяо Ци громко возмущались после его заключения в тюрьму, но если в один день они кричали о справедливости, то на следующий уже переметнулись к Сяо Цзиню. Старые чиновники, под давлением меняющихся течений, чувствовали, что им нужно сделать ставку на Сяо Цзиня.

Теперь казалось, что они наконец получили свой ответ.

В темном отдаленном углу позади Сяо Цзиня молча сидел Су Чэн.

С того момента, как Император призвал Шэнь Юйхэна, взгляд Су Чэна не отрывался от них. Его место было в углу, поэтому танцовщицы не закрывали ему обзор.

Хотя Сяо Хуай был мужем Шэнь Юйхэна лишь номинально, от этого интимного зрелища Су Чэн сжал палочки для еды так сильно, что они чуть не сломались. Его чувства были странными. В отличие от того момента, когда он узнал о связи между Шэнь Юйхэном и Сяо Цзинем... на этот раз его сердце словно сжали тисками.

Казалось, он смотрел, как его собственную драгоценную, неприкасаемую жену заставляют убаживать другого мужчину. Он тысячу раз представлял себе, как отталкивает Сяо Хуая и забирает Шэнь Юйхэна обратно; эти образы были настолько живыми, что кончики его пальцев дрожали от возбуждения.

Он перевел взгляд в сторону и внезапно замер.

...Незаметно ни для кого Сяо Цзинь исчез.

С обеих сторон от Сяо Хуая стояли наложницы, держащие курильницы. Теплый туман окутывал волосы Императора, казалось, изолируя его от шума банкета.

Шэнь Юйхэн предпочел бы стоять на страже с курильницей, чем пробовать еще одно блюдо. Сяо Хуай был безжалостно груб; рот Шэнь Юйхэна онемел. В него так сильно тыкали нефритовым наконечником, что он несколько раз плакал.

Пальцы Сяо Хуая были невероятно ловкими. Держа длинные палочки для еды, он проникал глубоко в горло Шэнь Юйхэна, как будто в него вонзались два твердых деревянных пальца. Должно быть, там рана, подумал он. А вино на открытую рану... это будет больно.

Прежде чем он успел начать переговоры, Сяо Хуай прижал чашу к его губам. Бесцветная жидкость имела резкий, тяжелый аромат. Шэнь Юйхэн закашлялся, пытаясь отказаться, но Сяо Хуай не подал и виду, что уступит.

Разве он уже не пил из этой чаши? Зачем ему все еще нужно, чтобы я проверял ее на яд?

Будучи непьющим, Шэнь Юйхэн долго колебался, прежде чем осторожно отпить крошечное количество с края. Сяо Хуай улыбнулся, погладил его по голове и небрежно отбросил чашу в сторону, позволив ей разбиться.

Шэнь Юйхэн напрягся.

Голос Сяо Хуая был низким и воздушным:

— Супруг не любит вино, а мне как раз нравится наблюдать. Что же делать?

С этими словами Сяо Хуай встал и взял со стола кувшин с вином.

— Ваше Величество, я...

Его подбородок схватили, а бронзовый носик кувшина втиснули между его мягких губ. Его зрачки расширились от ужаса. Он хотел отшвырнуть руку, но боялся, что вино прольется. Звук разбившейся ранее чаши все еще эхом отдавался в его ушах.

Жидкость полилась внутрь. Шэнь Юйхэну оставалось лишь обхватить носик губами, его кадык бешено дергался, пока он изо всех сил пытался проглотить острую, жгучую жидкость. Вес кувшина уменьшался, пока в нем не осталось ни капли.

Когда Сяо Хуай убрал носик, на губах Шэнь Юйхэна отпечаталось красное кольцо. Струйка вина, которую он не успел проглотить, стекла по его подбородку. Голова раскалывалась, дыхание было сбивчивым, а в животе словно пылал огонь.

Опьянение притупило боль, заставив его уши густо покраснеть. Сквозь затуманенное зрение он видел, как Сяо Хуай смотрит на него с оттенком... отеческой любви.

— Кажется, супруг действительно не знает.

Знает? Знает что? Шэнь Юйхэн больше не мог понимать слов. Он рухнул прямо на колени Императору. Сяо Хуай нежно погладил его по спине, убаюкивая, как и прежде.

Голова Шэнь Юйхэна раскалывалась. Конечности казались тяжелыми, словно погружаясь в водоворот. В оцепенении он услышал, как Сяо Хуай усмехнулся и сказал:

— Твой старший брат... Я... знаю...

Он ничего не понял. Он помнил лишь, как кто-то осторожно откинул ткань на затылке и обвел каждый дюйм его кожи острым ногтем.

В ту ночь Шэнь Юйхэн спал ужасно. Он то просыпался, то снова засыпал, но каждый раз, когда он просыпался, это было похоже на сонный паралич — он не мог открыть глаза или пошевелиться. Его лихорадило, а одежда была удушающе неудобной, но он не мог ее снять.

Вскоре комфортная прохлада успокоила жар. Удушающее чувство исчезло, сменившись покалывающим... странным ощущением.

Сквозь закрытые веки он смутно ощущал темную тень. Тень молчала, но всякий раз, когда она приближалась, это необъяснимое ощущение усиливалось. Оно казалось препятствующим, как будто он вот-вот задохнется. Он хныкал, пытаясь заговорить, но мог издавать лишь невнятные, обрывистые звуки.

На следующее утро Шэнь Юйхэн проснулся с мучительной болью во всем теле. Он потряс головой, чувствуя себя так, словно она была налита свинцом. Вспомнив события прошлой ночи, его лицо отразило целую гамму эмоций.

Похмелье в первый день Нового года... какой кошмар!! Вино — враг!

Услышав шум, Чжоу Юань поспешил в комнату.

— Господин, как вы?

— Жить можно, — сухо сказал Шэнь Юйхэн. — То есть, я умираю.

Чжоу Юань беспомощно улыбнулся.

— Подождите минутку, я позову лекаря Сюя.

— Подожди.

Когда Чжоу Юань повернулся, чтобы уйти, Шэнь Юйхэн остановил его, чтобы спросить, что произошло после того, как он потерял сознание, и видел ли его кто-нибудь.

— После того как господин потерял сознание, Его Величество приказал проводить вас обратно во дворец Цинчжо, — сказал Чжоу Юань. — После этого, кроме меня и нескольких служанок, вас никто не видел.

— И это все?

Хотя это и казалось странным, Шэнь Юйхэн не мог найти ничего подозрительного. Это был просто... тот странный сон о темной тени, стоящей рядом с ним.

<http://bllate.org/book/17965/1728096>